

*Елена
Арсеньева*

ЛЮБОВЬ ВЕЛИКИХ ЖЕНЩИН

*Браки совершаются
на небесах*

Браки совершаются на небесах

Елена Арсеньева

**Тихая тень (Луиза-Елизавета
Алексеевна и Александр I)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Тихая тень (Луиза-Елизавета Алексеевна и Александр I) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Браки совершаются на небесах)

Во многих сказках царский сын непременно едет добывать невесту в тридевятое царство, в некоторое государство. Сказка, как известно, ложь, да в ней намек... Издавна цари и царевичи, короли и королевичи, а также герцоги, князья и прочие правители искали невест вдали от родных пределов. Почему? Да потому, что не хотели, чтоб измельчала порода. А еще хотели расширить связи своих государств с тридевятыми царствами.

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

***	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Елена Арсеньева

Тихая тень

Луиза-Елизавета Алексеевна и Александр I

Упокой, Господи, ее душу... – пробормотала матушка Варвара, осторожно, но сильно налагая персты на веки лежащей перед ней женщины и закрывая померкшие глаза.

Итак, все кончилось.

Сестра Мелания сложила на груди покойницы ее худые руки, выпрямилась и судорожно вдохнула. Матушка покосилась на нее, чуть приподняв брови.

Так и есть, это не вздох, а всхлипывание. Мелания еще совсем девочка, и, может быть, это первая смерть, которую она видит в жизни. Тем более что весь последний месяц она ходила за больной сестрой Верой и привязалась к ней. Варвара подумала, что к этой женщине довольно трудно было привязаться. Она была так замкнута, держалась так отчужденно от прочих сестер Новгородской обители... И молчала, она всегда молчала, она не проронила ни единого слова с того мгновения, как Варвара впервые увидела ее на пороге обители, – и по сей день! Тогда, более тридцати лет назад, в монастыре была другая настоятельница, а Варвара была еще послушницей. Правда, матушка называла ее своей помощницей и секретарем, однако в тот день у Варвары было послушание в привратничкой. И так вышло, что именно она отворила двери на резкий, требовательный стук.

На пороге стояли две женщины в черном. Обе они были под вуалями. Одна, ростом повыше, сложением поплотней, в скромной шляпке, поддерживала другую – маленькую, худенькую, согбенную, покрытую платком. Она слегка покачивалась, словно была бесплотной тенью, которую могло поколебать любое дуновение ветра. Или так утомлена дорогой?

Ее шаги были беззвучны, словно она не касалась земли, как и положено тени.

Та женщина, которая была повыше и покрепче, усадила свою усталую спутницу на лавку, велела Варваре подать ей воды, а сама потребовала встречи с настоятельницей. Во всем ее облике была непонятная, непривычная мирская властность, и хотя Варвара мало что знала о той жизни, которая протекала за монастырскими стенами, она сразу ощутила, что эта женщина занимает там какое-то высокое положение. Но, стало быть, ее спутница, о которой она так печется, к которой относится так почтительно, еще более высокопоставленная особа?

Варвара доложила о посетительницах. Матушка приняла высокую женщину, а другая – «тихая тень», как ее про себя назвала Варвара, – так и сидела в темном уголке приемной, опустив лицо, скрытое вуалью.

Варвара исподтишка поглядывала на нее, думала, что гостя небось задремала, и досадливо хмурилась, когда спицы – она постоянно что-нибудь вязала для детского приюта, опекаемого монастырем, вот и сейчас в спицах болтался почти готовый носок, – звонко шелкали одна о другую, тревожа тишину.

Потом вышли настоятельница и гостя. Варвара поразились тому, какое странное, встревоженное лицо у матушки. Рука, безотчетно перебиравшая четки, заметно дрожала.

Гостя кивнула настоятельнице, потом подошла к своей спутнице и замерла перед ней. Мгновение стояла так, потом вдруг поклонилась... странно так поклонилась, не переломилась в поясе, не упала на колени, чтобы коснуться лбом земли, а плавно, медленно присела, чуть склонив стан. Руки взлетели, кисти изящно изогнулись, подхватив края широкой юбки.

«Тень» слабо шевельнулась и протянула тонкую руку, обтянутую черной перчаткой. Высокая женщина припала к этой руке, и казалось, прошло невыносимо много времени, прежде чем смогла от нее оторваться.

– Прощайте, – пробормотала сдавленно. – Храни вас Бог!

Ответа не последовало, и гостя ушла, по-прежнему держась чрезвычайно прямо, однако плечи ее чуть вздрагивали.

– Сестра Варвара, – негромко проговорила матушка. – Прими новую насельницу нашей обители. Назначим день крещения и дадим ей новое, не мирское имя, а пока... пока мы будем звать ее Молчальницей. Она дала обет не произносить ни слова. Запомни сама и скажи сестрам, что чужие обеты надобно почитать. Впрочем, я им сама все скажу.

Варвара помнила, что Молчальница приняла постриг 17 сентября – в день мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софьи. Для нее было избрано имя Вера, и под этим именем Молчаливая тень прожила в монастыре более тридцати лет. И вот сейчас Варвара – уже матушка, уже настоятельница – приняла ее последний вздох и закрыла ее глаза, которые некогда были голубыми, а теперь словно бы отцвели, как незабудки. И сейчас снова, как и прежде, как и всегда, поразила ее мысль: да неужто правда то, что открыла прежней настоятельнице высокая женщина, которая привела Молчальницу в обитель? Неужто правда то, что открыла матушка своей преемнице Варваре на смертном одре? Неужели сейчас испустила последний вздох не кто иная, как...

* * *

– Пусть приедут обе, – сказала Екатерина, и сын ее, великий князь Павел, только кивнул, ибо тон матери не допускал возражений. – Посмотрим и выберем.

Она окунула перо в чернильницу и вернулась к письму, которое писала графу Николаю Румянцеву, русскому посланнику при германских дворах:

«По прибытии в Петербург они будут жить в моем дворце, из которого одна, как я надеюсь, не выйдет никогда...»

– Как же никогда, ваше величество? – робко спросил Павел. – Что ж она будет делать в вашем дворце всю жизнь?

Екатерина уничтожающе посмотрела на сына:

– Подумай, голубчик! Хорошенько подумай!

– Предполагается, что одна из этих принцесс станет женой великого князя Александра, – с нескрываемой издевкой подсказал сидевший подле императрицы Платон Зубов и бросил кусочек булки левретке.

Левретка обнюхала булку, но есть не стала, рассердилась и подняла лай. Однако облаяла она почему-то не насмешника Зубова, а великого князя.

Павел окинул взглядом компанию, которую он ненавидел. И почувствовал, что заодно с матерью и ее любовником ненавидит теперь и эту, как ее там, которая станет женой его сына. Луиза? Фредерика? Какая разница!..

31 октября 1792 года в Петербург прибыли из Бадена две дочери тамошнего маркграфа Карла-Фридриха: Луиза-Августа, тринадцати лет, и одиннадцатилетняя Фредерика-Доротея. Одну из них предполагалось выбрать в невесты великому князю Александру Павловичу, которого Екатерина про себя мысленно величала цесаревичем и всерьез намеревалась сделать наследником престола. Пока же Александру было пятнадцать, самое время обзавестись семьей. Внук казался Екатерине обворожительным мальчишкой. Красивый, самолюбивый, умный, образованный, тщеславный как раз настолько, сколько нужно наследнику, пылкий, преисполненный радостных мечтаний – и в то же время задумчивый, умеющий размышлять, очень силь-

ный физически, а сила нравственная придет с годами, главное для монарха не быть, а казаться сильным, чтобы внушать уверенность в подданных... Один недостаток усматривала Екатерина во внуке. Он был еще невинен, однако этот гордией узел императрица разрубила с ловкостью другого Александра – Великого: изящно и насмешливо намекнула некоей хорошенькой фрейлине, что великий князь излишне робок, – и дело было сделано.

После того, как это произошло, великий князь несколько дней имел вид одновременно торжествующий – и перепуганный. Этот испуг в прекрасных голубых глазах не понравился Екатерине. Никто не знал мужчин лучше, чем она, их большая любительница. Мужчина, которому становится в постели страшно, который начинает думать не об амурных делах, а о своем, к примеру, нравственном падении, – это сущая погибель для его жены или любовницы!

Впрочем, надеялась Екатерина, с внуком все обойдется. Примеров для подражания при дворе множество. Взять хотя бы ее саму, императрицу...

Она томно вздохнула и подмигнула Платону Зубову, который осматривал в зеркале свой бесподобный нос: не вскочил ли, храни Боже, какой-нибудь прыщик, который может испортить его совершенную красоту?..

Стоило Платону перехватить взгляд императрицы, как он отошел от зеркала и с улыбкой двинулся к любовнице. Прыщик был на время забыт...

Но вернемся к сестрицам Баденским. С первого взгляда стало ясно, что той, которую Екатерина оставит в своем дворце, чтобы «не вышла никогда», будет старшая сестра – Луиза-Августа.

– Я ничего не видел прелестней и воздушней ее талии, ловкости и приятности в обращении, – с пылкостью сообщал Евграф Комаровский, выполнявший поручения при иностранных дворах и сопровождавший Луизу в пути.

Воспитатель Александра господин Протасов смотрел на будущую невесту своего питомца с особенным пристрастием и даже ревностью. Отчасти его настораживала та стыдливость, с которой относился к юной маркграфине Александр. В его поведении была какая-то тревога. Это определенно плохой признак. Но признак чего? Протасов и сам не мог бы сказать. А впрочем, Александр взирал на Луизу с немалым восторгом, а потому Протасов счел, что тревога – признак нарастающего чувства, и с восторгом строчил в своем дневнике: «Черты лица ее хороши и соразмерны ее летам... Физиономия пресчастливая, она имеет величественную приятность, все ее движения и привычки имеют нечто особо привлекательное. В ней виден разум, скромность и пристойность во всем ее поведении, доброта души ее написана в глазах, равно и честность. Все ее движения показывают великую осторожность и благонравие, она настолько умна, что нашлась со всеми, ибо всех женщин, которых ей представляют, сумела обласкать, или, лучше сказать, всех, обоюбого пола, людей, ее видевших, к себе привлекла».

Вот уж верно так верно! Даже брюзгливый и вспыльчивый Павел, даже его жена, утомленная собственной толщиной Мария Федоровна, и те приняли будущую невестку приветливо и сочли ее очаровательной. Увы, их добрых чувств надолго не хватило, но речь сейчас не о том.

Если бы Платон Зубов умел выражаться так же складно, как Протасов, он непременно записал бы в своем дневнике что-то подобное. Но он выразился в кругу приятелей в том смысле, что малютка сущая милашка и многое обещает. Бутонок, который расцветет и порадует ароматом того, кто это цветение ускорит.

Однако ускорение цветения сего буточника величавой императрицей не предусматривалось. Все свершалось согласно протоколу, в свое время. Луизу-Августу образовали в православие под именем Елизаветы и обручили с великим князем Александром.

Тем временем настала пора ее сестре уезжать. После горестных прощаний Фредерика села в экипаж, но Луиза... нет, Елизавета, уже Елизавета вскочила в карету к сестре, последний раз поцеловала ее, выпрыгнула вон и бросилась бежать прочь. Когда ее нагнали перепуганные

фрейлины, она уже справилась с собой: подавила слезы и медленно направилась к дому со спокойным выражением лица. Она умела скрывать свои чувства, и за это многие впоследствии будут считать ее холодной и бессердечной.

Хорошо, что от нее не требовалось скрывать своих чувств к жениху! Елизавета радостно писала матери: «Счастье моей жизни в его руках, и если он перестанет любить меня, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу все, но только не это!»

Наконец настал день свадьбы – 23 сентября 1793 года. Это происходило в церкви Зимнего дворца. При виде молодых всеми овладело умиление, ибо они были хороши, как ангелы.

– Я отдала ей самого красивого молодого человека во всей моей империи! – гордо сказала Екатерина, поглядывая на невесту, которая тоже была безумно хороша.

Их можно было сравнить с Амуром и Психеей. Но они были еще сущими детьми и продолжали оставаться детьми, хотя и звались супругами. Как же они веселились, когда приглашали к себе друзей Александра или любимых фрейлин Елизаветы по утрам на чай или на прогулку! Александр не разрешал входить через дверь – надо было непременно пролезть через окно вслед за ним. Если начинался град, Елизавета бегала и собирала градины. Они назывались «жемчужины», и эта юная девушка, чей наряд был усыпан подлинными жемчугами, радовалась как дитя, когда удавалось найти градину побольше других. Она страстно любила бегать наперегонки – императрица часто устраивала такие забавы – и поражала всех своей легкостью. Казалось, она не касается земли!

Встреча с каждым новым человеком была для нее праздником. Как-то раз Елизавета вместе со своей фрейлиной, графиней Головиной, гуляла по парку вдоль канала в Петергофе. Они дошли до пристани. В одной из лодок матросы, усевшись в кружок вокруг котла, ели деревянными ложками похлебку. Елизавета уставилась на них, а потом спросила, что они едят.

– Похлебку, матушка! – ответил с поклоном старшина, без малейшей насмешки величая юную девушку так, как в народе издавна величали цариц.

Елизавета никогда не слышала такого слова – похлебка. Название это показалось ей до того смешным, что она мигом спустилась в шлюпку и попросила ложку – попробовать. Матросы пришли в полный восторг и начали кричать во славу «матушки». Елизавета попробовала несколько ложек, кивнула с видом полного удовольствия и медленно, с достоинством удалилась. Постепенно фрейлина разглядела, что вид у нее скорее растерянный, чем довольный. Наконец Елизавета начала смеяться, то и дело повторяя:

– Похлебка! Ну вот и похлебка! – и укоризненно покачивала головой, однако непонятно было, кого же она корит, то ли вкус странного блюда, то ли себя за любопытство.

Казалось, все сулило счастье Амуру и Психее, однако окружающие словно сговорились не оставлять их в покое и всячески им мешать. Тон задавала жена Павла Петровича, Мария Федоровна, которая отчаянно завидовала красоте, молодости невестки, тому вниманию, которое оказывал ей Павел Петрович, а всего пуще – расположению к ней императрицы. Для начала Мария Федоровна решила поссорить Елизавету с ее фрейлинами, чтобы не было у нее ни одного близкого человека, – и это ей во многом удалось.

Немало масла в огонь подливал и фаворит императрицы Платон Зубов. От многозначительных поглядываний на «бутончик» он перешел к недвусмысленным ухаживаниям. Это не осталось тайной для придворных. Ухаживания Зубова делали его смешным. Несколько придворных всячески помогали Зубову в его проделках: то записочку норовили передать Елизавете, то устроить нечаянное свидание. Елизавету все это не только не занимало, но и весьма раздражало.

Придворные судачили, что припадки любви овладевают Зубовым почему-то после обеда. Он тогда то и дело вздыхал, растягивался на длинном диване с томным видом и, казалось, погибал от тоски, сжимавшей его сердце. Его могли утешить и развлечь лишь сладострастные

звуки флейты. Одним словом, вздыхали чувствительные дамы, которых волновали черные очи фаворита, у него были все признаки человека, серьезно влюбленного.

Это стало, в конце концов, не на шутку смущать Елизавету и раздражать Александра, у которого и так было тяжело на сердце. Увы, семейная жизнь Амура и Психеи не складывалась... Наблюдательная интриганка фрейлина Варвара Николаевна Головина, которая искренне обожала великую княжну и близко к сердцу принимала все ее печали, украдкой вздыхала, понимая сущность того, что разделяет юных супругов: великий князь любил свою жену как брат, как друг, так, как он любил свою прелестную сестру Екатерину Павловну, но ведь Елизавета мечтала о другой любви... Женщины созревают раньше мужчин, Елизавета быстро поняла, что держаться за руки на супружеском ложе, – это не совсем то, ради чего мужчина и женщина ложатся в одну постель. Когда же Александр снисходил до того, что заключал жену в объятия, ласки его были осторожны, торопливы и словно бы стыдливы. Не раз бывало так, что Елизавета украдкой плакала от разочарования, от того, что муж заставлял ее чувствовать себя докучливой распутницей. Да, ее воспитание, уроки матери внушали, что чувства женщины должны быть направлены только на ее супруга. Но что делать, если означенному супругу и даром не нужны эти самые чувства?!

Может быть, все еще и наладилось бы. Может, удалось бы изгнать холодность, которая уже стала меж ними третьей лишней. Но судьба приготовила им новое испытание. И виновна была в этом – вот уж злая ирония судьбы! – не кто иная, как их благодетельница, устроительница их брака – императрица Екатерина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.